

Одни все еще помнят Шолохова таким, каким о нем многие десятилетия писали школьные учебники – безропотный-де слуга партии и жрец соцреализма. Другие доверились современным политконъюнтурикам в оценках классика – все тот-де слуга и жрец. А классик, для которого всего дороже были интересы родины и заботы Мелеховых, Майданниковых и Соколовых, не втискивается в прокрустово ложе пристрастий. Вашему вниманию предлагаются фрагменты готовящейся в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» книги «Шолохов» лауреата Всероссийской Шолоховской премии Валентина Осипова.

Сам о себе

ДРЕВНЯЯ ФАМИЛИЯ. «Откуда фамилия такая на Руси завелась – Шолохов? Очень просто, – начал он рассказывать с улыбкой, – шел человек и охал! Шел и охал. Вот и Шолохов... А вообще-то было такое древнее имя Шолох».

О ПЛАГИАТЕ. Из письма жене (1929): «Ты не можешь себе представить, как далеко распространилась эта клевета против меня!.. Меня организованно и здорово травят... Ох, как закрутили, сукины сыны! Вот по Москве слух, что авторитетная комиссия установила мой плагиат и передала материал прокурору Верховного суда Крыленко... Крыленко руками разводит: «В первый раз слышу!» А слухи уже виляют: «Материалы в ЦК партии!» Звонят туда – и там ничего не знают.

Сплетня выбивается в следующее русло: «Материалы, обличающие Шолохова, в ЦИКе, и уже наложен арест на 50 процентов гонорара».

На поверку выходит, сплетня... Неплохо атаковали?! Я взвинчен до отказа... полная моральная дезорганизация... отсутствие работоспособности, сна...» И все-таки нашел силы воскликнуть: «Драться буду до конца!» Назвал поименно клеветников и выделил: «И даже партбилеты не облагородили их мещански-реакционного нутра».

«Людам жрать нечего, а они...»

1923 год. Первая в жизни публикация – фельетон «Испытание» с подписью М. Шолох в «Юношеской правде». Есть в нем две колочки, которые со временем не затупились.

...Начальник комсомольского укома дал несправедливую команду спровоцировать комсомольца на откровения: «Узнайте его взгляды на комсомол, его коммунистические убеждения. Постарайтесь вызвать его на искренность и со станции сообщите мне».

Здесь же и отклик на жизнь богемы во время еще не укрощенного до конца голода в России. В фельетоне диалог:

– На выставку?..

– Да.

Затем едва не на вскрике – грубо, жестко, но разве не искренне:

– Людам жрать нечего, а они – на выставку.

С правителями

СТАЛИН. Шолохов рассказывал, как шло обсуждение «Тихого Дона» (1931): «Сидели за столом. Горький все больше молчал, курил да жег спички над пепельницей... Сталин задал вопрос: «Почему вы так смягченно описываете генерала Корнилова? Надо его образ ужесточить».

Я ответил: «Поступки Корнилова вывел без смягчения. Но действительно некоторые манеры и рассуждения изобразил в соответствии с пониманием облика этого воспитанного на офицерском кодексе чести и храброго на германской войне человека, который субъективно любил Россию. Он даже из германского плена бежал».

Сталин воскликнул: «Как это – честен?! Он же против народа пошел! Лес виселиц и моря крови!» Должен сказать, что эта обнаженная правда убедила меня. Я потом отредактировал рукопись... Сталин новый вопрос задал: «Где взял факты о перегибах

Донбюро РКП(б) и Реввоенсовета Южфронта по отношению к казаку-середняку?» Я ответил, что роман описывает произвол строго документально – по материалам архивов. Но историки, сказал, – эти материалы обходят и гражданскую войну показывают не по правде жизни. Они скрывают произвол...» Как же отважен этот 27-летний собеседник державного вождя! Он обвинил власть, а не народ, победителей, а не побежденных! ХРУЩЕВ. Из рассказов секретаря Шолохова: «Когда (Хрущев) приехал в Вешенскую, повел разговор про то, как народ одобряет его непрекращающуюся череду, как сам выразился, «начинаний» в сельском хозяйстве, Шолохов слушал-слушал да вдруг достал какую-то книгу: «Примите эту книгу Лескова. Здесь есть интересный рассказ. «Загон» называется.

Посмотрите на сон грядущий первую хотя бы главу. Кстати, рассказ высоко оценил Лев Николаевич Толстой».

Хрущев прочитал: «Мы имели твердую уверенность, что у нас «житница Европы», и вдруг в этом пришлось усомниться...» Каково читать Хрущеву – страна стала закупать зерно на Западе.

БРЕЖНЕВ. Вновь рассказ Шолохова: «Как-то раздается звонок междугородный – Москва. Мне говорят: «Сейчас с вами будет говорить Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев!» После такого вступления стало во мне что-то закипать... Через секунду-другую слышу в трубке: «Михаил Александрович, здравствуйте! Я решил заехать к вам, в Вешенскую. Побывать у вас в гостях. Вы не будете возражать?» А мне как можно возражать?! Попробуй возразить... Я и говорю очень вежливо: «Дорогой Леонид Ильич, как же вы к нам приедете, если у нас в этом году с урожаем на Дону не вышло. Нет у нас урожая».

Слышу – молчит. Потом говорит: «До свидания, Михаил Александрович...» Шолохов хитрованно улыбнулся. Ему явно приятно вспомнить об опасном поединке. Он сощурился и произнес: «Так ведь и не приехал».

Запретное

Каждый роман Шолохова в шрамах – от партцензоров. Не избежал их и «Они сражались за Родину». В одной из глав был вычеркнут, к примеру, такой монолог: «На первом допросе следователь говорит мне: «Обвиняемый Дьяченко, а ну, становись в двух метрах от меня и раскалывайся. Значит, не нравятся тебе наши советско-партийные порядки? Капиталистических захотелось тебе, чертова контра?!» Я отвечаю, что мне не нравятся такие порядки, когда без вины честных коммунистов врагами народа делают, и что, мол, какая же я контра, если с восемнадцатого года я во второй конной армии у товарища Думенко пулеметчиком на тачанке был, с Корниловым сражался и в том же году в партию вступил. А он мне: «Брешешь ты, хохол, сучье вымя, ты – петлюровец и самый махровый украинский националист! Желтоблакитная сволочь ты!» Еще когда он меня контрой обозвал, чую, начинают мои нервы расшатываться, а как только он меня петлюровцем обозвал, – я побледнел весь с ног до головы и говорю ему: «Ты сам великодержавный кацап! Какое ты имеешь право меня, коммуниста с восемнадцатого года, петлюровцем называть?» И ты понимаешь, Микола, с детства я не говорил по-украински, а тут как прорвало – сразу от великой обиды ридну мову вспомнил: «Який же я, кажу, петлюровец, колы я и на Украине ни разу не був? Я ж на Ставропольщине родився и усю жизнь там прожив». Он и привязался: «Ага, говорит, заговорил на мамином языке! Раскалывайся дальше!» Обдумался я и говорю опять же на украинском: «У Петлюры я не був, а ше гирше зи мною было дило...» Он весь перегнулся ко мне, пытается: «Какое? Говори!» Я глаза рукавом тру и техесенько кажу: «Був я тоди архиереем у Житомири и пан гетман Скоропадський мене пид ручку до стола водыв». Ах, как он взвился! Аж глаза позеленели. «Ты что же это вздумал, издеваться над следственными органами?» Откуда ни возьмись, появились еще двое добрых молодцев, и стали они с меня кулаками архиерейский сан снимать... Часа два трудились надо мной! Обольют водой и опять за меня берутся».

Разговоры не для печати

1951 год. Встречается со студентами Московского Высшего технического училища имени Баумана. И посыпались вопросы.

«Над чем сейчас работаете и когда закончите?»

Ответ: «Векселей не даю, а то наобещаешь, а потом не получится. Есть такая поговорка: скоро робют – слепых родят».

«Конец «Тихого Дона» неудачен. Почему герой ни к чему не пришел?»

Ответ: «Такова была действительная судьба более зажиточной части деревни. Если бы я написал иначе – это было бы вопреки моей писательской совести».

«Насколько правдива книга Федора Панферова «В стране поверженных?»»

Ответ: «Бред».

«Что Вы можете сказать о книге Эммануила Казакевича «Весна на Одере?»»

Ответ: «Звезда» – это хорошо».

«Ваше мнение об операх Дзержинского «Тихий Дон» и «Поднятая целина?»»

Ответ: «Либретто безграмотно написано братом композитора. Песня «От края и до края» в «Поднятой целине» – мотив есть, а где слова? Опера «Тихий Дон» написана по роману без знакомства с казачьим песенным творчеством. А у казаков замечательные, в том числе и очень старые, песни, например, о речке Камышенке... Я, например, как услышал, лирический тенор поет во время исключения Нагульнова из партии: «Положи партбилет!» – встал и ушел потихоньку».

Шолохов глазами современников

АННА АХМАТОВА. 1940 год. В дневниках запись: «С 1925 года меня совершенно перестали печатать и планомерно начали уничтожать в текущей прессе. Можно представить, какую жизнь я вела в это время». И все-таки выходит книга ее избранных произведений. И тут последовало невероятное – она представлена на соискание Сталинской премии. Высшей в стране! В первый год ее существования! Шолохов рассчитал, что для опального поэта мало выпустить книгу, тем более по обыкновению для поэзии малым тиражом. Нужно возбудить широкое общественное мнение. Ахматова пишет: «Шолохов выдвинул ее (книгу стихов) на Сталинскую премию. Порыв даром не прошел: «Пошли доносы...» Идею Шолохова свершиться не удалось...»

ИВАН БУНИН. 1941-Й, ВОЙНА. Бунин в эмиграции записал в дневник: «3 августа 1941 г. Читал первую книгу «Тихий Дон» Шолохова. Талантлив, но нет слова в простоте. И очень груб в реализме. Очень трудно читать от этого с вывертами языка со множеством местных слов ... 30 августа. Кончил вчера вторую книгу «Тихого Дона». Все-таки он хам, плебей. И опять я испытал возврат ненависти к большевизму».

ИОСИФ СТАЛИН. 1947 год. В Кремль приглашены три писателя – из начальствующих. Вождю захотелось узнать о настроениях в Союзе писателей. Вдруг возникла тема о творческих командировках. Фадеев сказал, что это традиция, цель которой – помочь в изучении жизни, но признался: этим пользуются лишь «писатели-середняки».

– А почему не едут крупные писатели? – спросил Сталин. Выслушал ответ и заметил:

– А вот Толстой не ездил в командировки.

– Как, Шолохов ездит в командировки? – задал новый вопрос.

– Он все время в командировке, – сказал Фадеев.

– И не хочет оттуда уезжать? – спросил Сталин.

– Нет, – сказал Фадеев, – не хочет переезжать в город.

– Боится города, – сказал Сталин.

Истоки Нобелевской премии

1946 год. «Литературная газета» поместила заметку из Швеции: «10 декабря состоится очередное присуждение Нобелевской премии. Среди либеральных кругов шведской интеллигенции, в том числе среди писателей, не раз поднимался вопрос о том, что Нобелевская премия никогда не присуждалась представителям советской науки и литературы. В области литературы за последние годы неоднократно выдвигалась

кандидатура М. Шолохова, писателя, которого хорошо знают и любят в Швеции. Выражая мнение радикальных кругов Швеции, известный шведский поэт и публицист Эрих Бломберг в этом году вновь выдвигает кандидатуру М. Шолохова и выступает в «Нью Даг» с серией статей, посвященных творчеству Шолохова. М. Шолохов, «как никто другой, достоин Нобелевской премии, которая должна присуждаться как за художественные качества, так и за идейность», – пишет Э. Бломберг. Премия была присуждена М. Шолохову в 1965-м с формулировкой: «За художественную силу и честность, с которыми он создал историческую часть жизни русского народа в своем «Тихом Доне».

Два несогласия

1942 год. Военный журналист Шолохов попадает в Саратов. Знаменитый артист Борис Ливанов, который находится здесь в эвакуации вместе с МХАТом, предложил свою инсценировку по «Тихому Дону» и добавил:

– У меня к тебе просьба: у Григория остался сын, теперь он воюет, наверное, по возрасту так. Когда кончится спектакль, пусть сын Григория выйдет за занавес, обратится к зрителям. Напиши ему монолог. У нас есть молодой, хороший артист...

– Нет, нет, нет и нет!

– Пойми, это необходимо, Миша!

– Я написал роман, это законченное произведение. Не буду... 1947 год. К избитому партией за «формализм» Шостаковичу поступает предложение – исполнить указание Сталина создавать оперы на советском материале. Его просит взяться за «Тихий Дон». Но следует отказ: «Я начал работать, а сейчас оказался в тупике... Ведь Гришка не принял советскую власть. Не принял!» Посланец Сталина оторопел: «Я живо представил, как в юбилей советской власти Шостакович выступает с новой оперой, которая должна сместить оперу Дзержинского, и в этой новой опере главное действующее лицо – враг советской власти...»

Неосуществленные замыслы

ОЗОРНОЙ РОМАН. В письме другу в 1954-м сообщал: «И теперь, когда достиг я вершины дней своих, думаю что о б...х писать веселее, чем о порядочных женщинах. Ну какого черта можно написать о порядочной? Пересохнет на лету... Глубоко убежден, что ты – второй номер после покойного Казановы – разделишь мое мнение...» Повторился в одной из анкет: «Могу вам заранее сказать, что этот роман восстанавит против меня всех моих читательниц. Но так как к этому времени мне будет под 60, то я смело иду на такой риск и думаю, что не очень много потеряю, утратив благосклонность моих читательниц».

СОЖЖЕННАЯ РУКОПИСЬ. Июль 1983го, последнее лето для Шолохова – рак! Мне, тогдашнему директору «Художественной литературы», довелось побывать с одним другом в Вешенской. И велик искус узнать судьбу романа «Они сражались за Родину» – ведь уж сколько времени печатаются только главы. Вдруг секретарь Шолохова рассказал, ссылаясь на младшего сына писателя – было продолжение, но рукопись сожжена после того, как глава партии Брежнев не защитил написанное от партцензоров. Ошеломило. ...Проходим на второй этаж – в его, писателя, рабочий кабинет. Он в кресле-каталке. Супруга рядом. Худ, бледен, кожа рук и лица истончена до отсветной белизны и какой-то неживой хрупкости, глаза поблеклые. Всегда не славился многословьем, а тут по вынужденности молчит чаще, чем что-то говорит. Но минута за минутой, постепенно-постепенно, а совладал характер с немощью. Стал даже шутить – то колко, то с мягкой лукавинкой. Говорим, а все не наберемся смелости выспрашивать о романе безнадежно больного человека. Первым мой товарищ не утерпел – спросил эдак невинно, да к тому же рукой провел, ведя наши взгляды от письменного стола к книжным шкафам: – Михаил Александрович, а где вы храните здесь полную рукопись романа? У меня мелькнуло: «Ну, вот петелька для ответа». Жду – вдруг не подтвердит, что бросил рукопись в огонь. Жду, что скажет: «Да где же ей быть, как не в столе...» Он, однако, отвел от себя хитроумный захват:

– Здесь ее нет! – сказал неподступно, твердо, как ударил закомлястой палицей. Мы уже

знали тяжесть такой жесткой интонации.

Она не позволяла рисковать продолжать тему. Новые – неугодные ему – вопросы мог перебить, а то просто прекратить встречу.

Так мы остались без прояснения этой загадки — жуткой! — шолоховской жизни.

Черные сюжеты киношолоховианы

ЗАСТУПНИК. 1931 год. Завершена картина «Тихий Дон» (по 1-й книге романа). Но – запрещена к показу: «Казачий адюльтер... любование бытом казачества». Внеклассовость и отсутствие поддержки революции – вот в чем криминал! Кинорежиссеров исключили из профессионального киносоюза. Шолохов пишет исполнительнице роли Аксиньи Эмме Цесарской: «Буду делать все от меня зависящее и возможное, чтобы «Дон» пошел по экрану».

ОТКЛОНЕННАЯ ЗАЯВКА. 1939 год. Из свидетельств кинорежиссера Сергея Герасимова о судьбе заявки на экранизацию «Тихого Дона»: «Мне было сказано, что едва ли имеет смысл экранизировать роман, который при всех своих достоинствах выводит на первый план судьбу Григория Мелехова, человека без дороги, по сути, обреченного историей...»

ПРОВАЛ КОНЪЮНКТУРЩИКОВ. 1941 год. Вышел фильм «Поднятая целина», а славы никому не принес, хотя все силы были брошены бить в литавры. Одна из газет осмелилась даже пристыдить восторгантов-конъюнктурщиков: «Это был запрограммированный, во многом искусственный успех... Слишком уж герои фильма и романа отличаются друг от друга». Это о том, что киношники не рискнули взойти в глубины свидетельств о сложности коллективизации.

Начинались издевательства над замыслом создать фильм с того, что новый начглавино, недавний чекист из Воронежа Дукельский влез в подбор артистов. Вызвал режиссера и заявил, что невзрачен артист, избранный на роль Давыдова: «Представитель пролетариата обязан быть красив, силен и на вид внушителен...» Закончилось же тем, что сценарист Сергей Ермолинский – друг М. Булгакова и приятель М. Шолохова – очутился в тюрьме, по политической.

ПОРАЖЕНИЕ ГЕНШТАБА. Из воспоминаний режиссера С. Бондарчука о судьбе картины «Они сражались за Родину»: «После окончания фильма была его приемка. В Генштабе, где смотрели и обсуждали фильм под председательством маршала Гречко, мне досталось. Был в предынфарктном состоянии. Картину не приняли. Позже все наладилось. Во многом помог Михаил Александрович Шолохов».

Из невошедшего в собрания сочинений

О РАССТРЕЛЕ РАБОЧИХ. 1962 год. Был отдан приказ – стрелять по рабочим Новочеркаска, которые запротестовали против повышения цен на продовольствие. Расправу скрыли от народа – ни слова в печати. На Дон прибыл второй секретарь ЦК с заданием осудить обком и всех местных партийцев – мол, не смогли справиться без нашего вмешательства. Зал сидел раздавленный и подавленный, а ораторы должны были каяться – вне зависимости от того, были ли причастны к кровавым событиям.

На трибуне – Шолохов с уничтожающей критикой верховной власти: «Почему повышаете цены, не посоветовавшись с народом? Как же мы, партия, можем стрелять в народ?..» В президиуме оторопь, московский начальник в полуобмороке, в зале оцепенение. Вот бы разыскать стенограмму речи!

РЕЧЬ О ВРАГАХ. В канун 70-летия, 24 мая 1975-го, два удара обрушилось на Шолохова: 17 мая он раздобыл и прочитал «Бодался теленок с дубом» Солженицына – сколько же там грязи про него, а через два дня – микроинсульт головного мозга. Юбилейный вечер в Большом театре прошел без него.

Из недописанной речи: «Пришла пора подводить предварительные итоги творческой деятельности. Но за меня это уже сделали в своих статьях родные братья-писатели и дальние родственники, скажем, троюродные братья-критики. Так что за мною остается только слово от автора. За 50 лет писательской жизни я нажил множество друзей-

читателей и изрядное количество врагов.

Что же сказать о врагах? У них в арсенале старое, заржавленное оружие: клевета, ложь, злобные вымыслы. Бороться с ними трудно, да и стоит ли? Старая восточная поговорка гласит: «Собаки лают, а всадник едет своим путем». Как это выглядит в жизни, расскажу. Однажды, в далекой юности, по делам службы мне пришлось ехать верхом в одну из станиц Верхне-Донского округа. По пути лежала станица, которую надо было проехать. Я припозднился и подъехал к ней в глухую полночь. В степи была тишина. Только перепелиный бой да скрипучие голоса коростелей в низинах. А как только въехал на станичную улицу, из первой же подворотни выскочила собачонка и с лаем запрыгала вокруг коня.

Из соседнего двора появилась вторая. С противоположной стороны улицы, из зажиточного поместья махнули через забор сразу три лютых кобеля. Пока я проехал квартал, вокруг коня бесновались с разноголосым лаем уже штук двадцать собак... Не думал я в ту ночь, что история с собаками повторится через несколько лет, только в другом варианте. В 1928 году, как только вышла первая книга «Тихого Дона», послышался первый клеветнический взбред, а потом и пошло...»

<http://www.vmdaily.ru/main/viewarticle.php?id=11217>